

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАННЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 378.147.091.398:008-022.218:811.161.1

В.И. Стативка

ТЕКСТОВО-ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ: ЛИНГВО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

*В.І. СТАТИВКА. ТЕКСТОВО-ДИСКУРСИВНА КАТЕГОРІЯ ІНФОРМАТИВНОСТІ:
ЛІНГВО-МЕТОДИЧНА ПРОЕКЦІЯ.*

Метою статті є аналіз, відбір і систематизація інформації про категорію інформативності, що може скласти основу для аналізу названої текстово-дискурсивної категорії іноземними студентами-філологами; розробка комплексу завдань, спрямованих на формування професійних навичок аналізу категорій тексту. У процесі аналізу теоретичної спадщини науковців автор приходить до висновку, що інформативність слід розуміти як текстово-дискурсивну категорію, яка є властивістю тексту зберігати і передавати інформацію, що виявляється на тлі цілого завершеного тексту за умови урахування взаємодії дискурсних модулів: адресант-текст-адресат-ситуація-контекст. Інформація може бути виражена як експліцитно, так і імпліцитно та проявлятися в різних її видах. Важливою складовою даної категорії є види інформації і способи її вираження в тексті. Серед представлених класифікацій видів інформації автор схильний розглядати як найбільш прийнятну для навчання класифікацію І.Р. Гальперіна, який виділяє такі види інформації в тексті: змістовно-фактуальна (ЗФІ), змістовно-концептуальна (ЗКІ), змістовно-підтекстова (ЗПІ). Названа класифікація співвідноситься з характеристикою ступенів інформативності тексту, представленою зарубіжними вченими, і доступною для розуміння іноземними студентами-філологами. Автор статті наводить зразок аналізу категорії інформативності в художньому тексті та представляє розроблений комплекс завдань для іноземних магістрантів з метою формування у них навичок аналізу категорій тексту. Основними положеннями, що визначили розробку комплексу завдань, є наступні: а) теоретичні відомості про категорію інформативності пропонуються магістрантам у вигляді наукового тексту, обсягом не більше 2-х сторінок, а робота із сприйняття та розуміння його змісту проводиться традиційно; б) художні тексти для аналізу доцільно вибирати невеликі за обсягом, але такі, що володіють усіма категоріальними характеристиками і відповідають нашому стереотипному уявленню про текст; в) будь-яка категорія тексту не може бути проаналізована у відриві від інших (це робиться лише з навчальною метою), тому запитаними є знання інших властивостей тексту, раніше отримані та сприятливі для розуміння категорії інформативності; г) кожен текст забезпечується словником, яким користуються студенти, якщо пропонується попереднє самостійне ознайомлення з текстом; ґ) перед аналізом художнього тексту на заняттях відпрацьовуються актуальні мовленнєві звороти, що будуть використані у процесі професійного аналізу; д) послідовність роботи з текстом не може бути чітко визначена, оскільки залежить від його складності, інтерпретанти реципієнтів, від конкретного навчального завдання.

Ключові слова: текст, категорія інформативності, ступені інформативності тексту, види інформації, аналіз текстово-дискурсивної категорії інформативності.

*В.И. СТАТИВКА. ТЕКСТОВО-ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ:
ЛИНГВО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ.*

Целью данной статьи является анализ, отбор и систематизация информации о категории информативности, которая может составить основу для анализа названной текстово-дискурсивной категории иностранными магистрантами-филологами; разработка комплекса

заданий, направленных на формирование профессиональных навыков анализа категорий текста. В процессе анализа теоретического наследия ученых автор приходит к выводу, что информативность следует понимать как текстово-дискурсивную категорию, которая является свойством текста хранить и передавать информацию, выявляющуюся на фоне целого завершённого текста при учете взаимодействия дискурсных модулей: адресант-текст-адресат-ситуация-контекст. Информация может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно и проявляться в различных ее видах. Важной составляющей данной категории являются виды информации и способы их выражения в тексте. Среди представленных классификаций видов информации автор склонен рассматривать как наиболее приемлемую для обучения классификацию И.Р. Гальперина, который выделяет в тексте такие виды информации: содержательно-фактуальная (СФИ), содержательно-концептуальная (СКИ), содержательно-подтекстовая (СПИ). Названная классификация соотносится с характеристикой ступеней информативности текста, представленной зарубежными учеными, и доступна для понимания иностранными магистрантами-филологами. Автор статьи приводит образец анализа категории информативности в художественном тексте и представляет разработанный комплекс заданий для иностранных магистрантов с целью формирования у них навыков анализа категорий текста. Основными положениями, предопределившими разработку комплекса заданий, являются следующие: а) теоретические сведения о категории информативности предлагаются магистрантам в виде научного текста, объемом не более 2-х страниц, а работа по восприятию и пониманию его содержания проводится традиционно; б) художественные тексты для анализа целесообразно выбирать небольшого объема, но обладающие всеми категориальными характеристиками и соответствующие нашему стереотипному представлению о тексте; в) любая категория текста не может быть проанализирована в отрыве от других (это делается только в учебных целях), поэтому востребуются знания других свойств текста, ранее приобретенные и способствующие пониманию категории информативности; г) каждый текст обеспечивается словарем, которым пользуются студенты, если предлагается предварительное самостоятельное ознакомление с текстом; д) перед анализом художественного текста на занятиях отрабатываются актуальные речевые обороты, используемые в процессе профессионального анализа текста; е) последовательность работы с текстом не может быть четко определена, так как зависит от сложности текста, интерпретанты реципиентов, от конкретной учебной задачи.

Ключевые слова: текст, категория информативности, ступени информативности текста, виды информации, анализ текстово-дискурсивной категории информативности.

V.I. STATIVKA. TEXT-DISCURSIVE CATEGORY OF INFORMATIVITY: LINGUISTIC-METHODOLOGICAL PROJECTION.

The purpose of this article is the analysis, selection and systematization of information about the category of informativity, which can form the basis for the analysis of the named text-discursive category by foreign undergraduates-philologists, and the development of a set of tasks aimed at the formation of professional skills to analyze category of text.

In the process of analyzing the theoretical heritage of scientists, the author comes to the conclusion that informativeness should be understood as a textual-discursive category, which is a property of the text to store and transmit information that is revealed against the background of the whole completed text, taking into account the interaction of discourse modules: addressee-text-addressee-situation-context. Information content can be expressed explicitly or implicitly, appearing in different types of information. An important component of the category are the types of information and ways of its expression in the text. Among the presented classifications of types of information, the author is inclined to consider the classification of I. R. Galperin, which distinguishes such types of information in the text as content-conceptual (SCI), content-factual (SPI), content-subtext (SPI), the most attractive for the practice of text informativeness analysis. The named classification is correlated with the characteristic of the levels of information content of the text presented by foreign scientists and is available for understanding by foreign undergraduates-philologists. The author of the article gives a sample of the analysis of the category of informativeness in the literary text and presents a developed set of tasks for foreign undergraduates in order to form their skills to analyze text categories. The

main provisions that predetermined the development of a set of tasks are as follows: a) theoretical information about the category of information is offered to undergraduates in the form of a scientific text, no more than 2 pages, and the work on understanding its content is carried out traditionally; b) literary texts for analysis, it is advisable to select a small in size, but with all categorical characteristics and complying with our stereotypical idea of the text; b) any category of text cannot be analysed in isolation from the other (this is only done for training purposes), therefore, involves knowledge of other text properties previously acquired and contribute to the comprehension of the category of informativeness; c) each text is provided with the dictionary, which is used by students, if offered a preliminary independent study of the text; d) prior to the analysis of the literary text in the classroom practiced actual speech patterns used in the professional analysis of the text; e) the sequence of work with the text can not be clearly defined, as it depends on the complexity of the text, the interpreters of the recipients, on a specific educational task.

Key words: text, category of informativeness, stages of informativeness of the text, types of information, analysis of textual-discursive category of informativeness.

Образовательные профессиональные программы для подготовки иностранных филологов в магистратуре включают курс лингвистики текста. Этот курс имеет целью углубление знаний о тексте и формирование профессиональных умений анализировать текстово-дискурсивные категории, поскольку такой вид деятельности ведет к овладению иностранным языком на новом, более высоком уровне: магистранты не просто овладевают знаниями о структуре текста, его категориальных признаках, но и начинают овладевать исследовательскими навыками анализа текста. В этой связи целесообразно выявить и минимизировать базовые знания и разработать методику формирования умений анализировать текстово-дискурсивные категории.

Внимание к тексту как объекту лингво-методических исследований дало известные положительные результаты: в системе средств обучения появились учебные пособия, обладающие высоким обучающим потенциалом. Среди таких книг немало созданных специально для анализа текстов разных стилей, с разных позиций и предназначенных для разных целей. Так, например, только в XXI столетии активно используется в учебном процессе учебник Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин [1], учебное пособие Болотновой [3], коллективное пособие под редакцией К.А. Роговой [23], коллективное пособие под редакцией А.А. Силки [5] и др. Однако эти работы предназначены для использования в процессе обучения родному языку и акцент делается на анализе текстово-дискурсивных категорий всех в комплексе, что закономерно при изучении родного языка, но при обучении иностранному языку целесообразно более четко разграничивать анализ каждой категории.

Целью данной статьи является анализ, отбор и систематизация сведений о категории информативности, которые могут составить основу для анализа названной текстово-дискурсивной категории иностранными магистрантами-филологами, и разработка комплекса заданий, направленных на формирование у них профессиональных умений анализировать категории текста.

В процессе работы использовались такие методы исследования: анализ теоретических положений, концепций ученых, имеющих учебные пособия; лабораторный эксперимент, позволивший определить объем текстов для анализа иностранными магистрантами, характер посильных заданий, последовательность когнитивных действий в ходе анализа текстово-дискурсивной категории информативности.

Информативность – категория текста, обладающая наиболее широкой валентностью: она вступает в отношения со всеми категориями текста – целостностью (потому что несет информацию о реальном или виртуальном фрагменте действительности, отраженном в тексте), интенциональностью (потому что содержит показатели для понимания намерения коммуникантов), модальностью (потому что несет информацию об оценке автором предмета речи), интертекстуальностью (включает информацию из прецедентных текстов) и др. Информативность как свойство хранить и передавать информацию присуща любому тексту и является универсальной категорией.

Информативность многомерна по своему предмету: тексту свойственно передавать в различных моделях коммуникации разные ее виды. Это отражается и в истолковании информативности как текстово-дискурсивной категории. В одних исследованиях акцент делается на ее психолингвистические и прагматические характеристики (А.Э. Бабайлова [2,

с. 60], Е.С. Кубрякова [13, с. 513]; М.П. Котюрова [11, с. 108], в других – на когнитивный аспект, в котором информация рассматривается как знание о мире, отражающее авторское миропонимание в конкретной речевой форме (Е.В. Сидоров [22, с. 67]; в третьих в фокус внимания берется новизна и понятность для читателя (Н.С. Валгина [4]; М.А. Кронгауз [12, с. 224]). В последних исследованиях в основу сущности категории кладутся все составляющие понятия информация: информация о коде (о языке или других знаковых системах); диктумная информация (о явлениях и предметах реальной или ментальной действительности); модусная (об отношении говорящего к сообщаемому), оценочная информация. Учитывается характер ее выраженности (эксплицитная, имплицитная), путь ее появления (ситуативная, коннотативная, ассоциативная) [23, с. 94].

В коммуникативной лингвистике информативность определяется как «текстово-дискурсивная категория, отображающая взаимодействие информационных пространств всех модулей дискурса и обеспечивающая информационный баланс интерактивности адресанта и адресатов на основе текста [21, с. 209]. Такое широкое толкование требует конкретизации: под модулями дискурса имеются в виду, в первую очередь, адресант и адресат, именно взаимодействие их информационных пространств обеспечивается текстом; таким образом создаются условия для интерактивности коммуникантов.

В этой же области языкознания описаны три модели коммуникации, с которыми соотносятся определенные виды информации (А.Е. Кибрик [10, с. 37]; О.Г. Почепцов [20, с. 5]; М.Л. Макаров [16, с. 35] и др.). Так, например, в кодовой модели коммуникации информация отражает «положение дел» или «мысль», то есть преобладает денотативная или когнитивная информация; в интерференционной модели коммуникации, когда главное – передать информацию о своих намерениях с помощью языкового кода, контекста, учета пропозиции, преобладает интенциональная информация; в интеракционной модели подвергается интерпретации вся совокупность видов информации (денотативной, когнитивной, интенциональной). При этом реципиент может вывести смыслы, то есть получить информацию, совершенно не запланированную адресантом. Как видим, в языкознании информация рассматривается не только в общепринятом значении (сведения о мире), но в ее специфическом, смысловом проявлении, когда учитываются носители знаний о мире и человеке, характер преломления информации в сознании человека, отражение авторского мировосприятия, речевая реализация интенции адресанта и др.

Исследуя информативность, Р.-А. де Богранд и В. Дресслер [26, с. 134], а позднее – Н.С. Валгина [4] уравнивают ее со степенью новизны или неожиданности для реципиента представленных в тексте элементов. В этом случае текст для одного реципиента может обладать информативностью, а для другого нет, поскольку информация для него не является новой. Другие ученые соотносят информативность со свойством текста иметь тему (Agricola [25, с. 40]; Mackeldey [27, с. 39]). Русские ученые опровергают возможность соотношения информативности с тематичностью [23, с. 94]: во-первых, термин *тема* многозначен, а само понятие аксиоматично, и, как следствие, не обладает глубоким истолкованием (чаще всего под темой понимают предмет сообщения или то, о чем сообщается), что затрудняет соотношение понятий в деталях; во-вторых, термин *тема* используется в актуальном членении предложения как известное, данное в структуре предложения или СФЕ (микротексте); в-третьих, при рассмотрении текста в дискурсе ученые определяют тему как «макропропозицию», «макроструктуру», «предмет речи целого текста; содержательное ядро текста, лежащее в основе авторского замысла» (Т.В. Матвеева [17, с. 357]). Таким образом, все вышеназванные значения позволяют говорить о том, что «тема – это предмет сообщения, прежде всего денотативное содержание текста, соотносимое с некоторой ситуацией действительности, его диктум...» [23, с. 96]. Однако в тексте происходит расширение информации, соответствующей теме, за счет модальности (реципиент определяет авторскую оценочность), улавливания коннотативного значения, восприятия контекста, который может вносить различного вида информацию: о языковых средствах текста (лингвистический контекст); о ситуации, в которой создавался текст (контекст-ситуация); о событиях истории (исторический контекст), об интертекстуальных связях (интертекстуальный контекст) [9, с. 265]. Вот почему ученые делают вывод о том, что информативность шире тематичности и имеет свои собственные параметры.

Как истолковывается природа информативности текста в исследованиях ведущих ученых, что является определяющим в их концепциях? Проанализируем наиболее распространенные концепции: позицию Р.-А. де Богранда и В. Дресслера (1981), которые

предлагают учитывать степень сложности отражаемой в тексте ситуации и характер представления ее автором; точку зрения И.Р. Гальперина, описавшего виды информации (содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую) и соотношение количества извлеченной реципиентом информации со степенью информативности текста для конкретного читателя. В исследованиях текстовых категорий изначально информативность рассматривается в соотношении с конкретным читателем, поскольку информация – это не сведения вообще, а сведения, направленные кому-то, кто обладает опытом и привычками, то есть учитывается, что информация направлена не на всякого адресата, а на вполне определенного.

Сущность концепции информативности Р.-А. де Богранда и В. Дресслера состоит в соотнесении содержания текста с определенной жизненной ситуацией, отраженной в тексте (протоситуацией, прототипической ситуацией). Сложность ситуации и характер ее представления автором кладется в основу выделения ступени информативности. На верхней ступени информативности занимают место такие тексты, содержание которых полностью соответствует передаваемой в тексте информации, то есть в точности соответствует прототипической ситуации, которая представляется в тексте. И.В. Реброва пишет: «Тексты, соответствующие первой ступени информативности, в наибольшей степени приближены к тексту-прототипу. При их восприятии у адресата не может быть иных прочтений» [23, с. 104]. Такие тексты соответствуют кодовой модели коммуникации, в которой, как упоминалось выше, информация отражает положение дел и она чаще всего денотативная. Например, такими могут быть тексты деловых документов, хроникальных сообщений, сюжет литературного произведения, либретто и др.

На ступени ниже, на второй ступени информативности, находятся тексты, отражающие более сложную по компонентному составу ситуацию и более детально представленную в языке. В таких текстах носителями информации являются не только составляющие описываемой ситуации, но и связи, отношения между компонентами. Эти связи и отношения помогают передать союзы, модальные слова, вводные конструкции, а также включенные дополнительно детали описываемой ситуации, факты, смена субъектов повествования и др., но установить их должен сам реципиент, подключая свои личные знания и опыт. Таким образом, «предлагая читателю соотнести с этим фактом свои личные знания и размышления, автор по-своему расширяет общий информативный фон текста» [23, с. 102].

К третьей ступени информативности относят тексты, отражающие ситуацию, которая не соответствует знаниям реципиента. Он вынужден искать способ решения, почему представленная модель ситуации не соответствует его ожиданию, подключая механизм сравнения, сопоставления, аналогии и т. д.

Тексты 2-й и 3-й ступени информативности требуют от читателя не только понимания денотативной информации, но на ее основе и на основе личной мыслительной деятельности приращивать информацию, что не у всех реципиентов получается одинаково или вообще не получается. Тогда и говорят о низкой степени информативности текста для определенной группы читателей.

Фактор читателя предопределяет такое понятие, как избыточность/экономность информации, о которых упоминал еще Л.В. Щерба и достаточно подробно пишет Валгина [4, с. 247]. Различная степень избыточности может быть у читателей, с разной целью подходящих к чтению: для специалиста, прибегающего к изучающему чтению, потребуется максимум информации; реципиенту для беглого чтения с целью увидеть главную информацию достаточно будет минимума; для студента или ученика понадобится много «упаковочного материала» (термин Л.В. Щербы), представляющего собой примеры, повторы, определения и т. д. Для каждого реципиента количество исчерпываемой информации будет различным, потому что восприятие информации базируется на памяти, а степень развитости репрезентативных когнитивных структур, которые детерминируют работу памяти, у всех различная. Т.М. Дридзе [7, с. 177] обращает внимание на то, что источником приращения информации является обработка текста сферой сознания адресата, а уровень исчерпывания и понимания информации «зависит от сведений, почерпнутых реципиентом из памяти и используемых для понимания воспринимаемого текста» [8, с. 273].

Информативность связана с проявлением в тексте степени известности/новизны, ожидаемости/неожиданности (или предсказуемости/непредсказуемости) [15, с. 166], [23, с. 106]. Предсказуемые элементы – это семантически протяженная цепочка речевых элементов,

на которую распространяется способность воспринимающего предсказать появление новых компонентов. Эти элементы совпадают у читателя и у писателя. Максимальная предсказуемость компонентов наблюдается в текстах с прототипической ситуацией, в жестких жанрах. Читатель на уровне подсознания ожидает встретить определенные компоненты (например, в тексте заявления – обращение к кому-то и указание от кого, изложение сути обращения, дата и подпись; в тексте-соболезновании ожидается обращение, уверение в соболезновании, слова поддержки). В таких текстах авторская интенция четко выражается или отслеживается, информация ясна и доступна. В случае отсутствия ожидаемых компонентов происходит разрушение жанра, возникает нарушение ожидания, недоумение, непонимание.

В научных текстах предсказуемыми являются многие элементы: номинативность, терминосистема, определения, классификации, стереотипность синтаксических единиц, предложения с несколькими рядами однородных членов, с придаточными условиями, причины, следствия и др. Создающему научный текст очень важно преодолеть минимальное декодирование, когда реципиент просто выпускает непредсказуемые и часто недоступные его пониманию элементы. Читатель «склонен к восприятию той информации, которая подтверждает его убеждения, и наоборот, элемент, в значительной степени нарушающий предположения читателя, может быть не воспринят вообще, и его высокая информативность не учитывается в процессе интерпретации текста» [15, с. 166]. Автору необходимо создать такой текст, в котором большая часть элементов окажется предсказуемой. По мнению исследователя Н.Н. Перчаткиной, элементы, подтверждающие ожидания, облегчают восприятие и понимание информации текста и являются в этой связи весьма значимыми для информативности [19, с. 66].

Восприятие (декодирование) текста – это сложный мыслительный процесс, состоящий из множества операций на мыслительном и эмоциональном уровнях. Л.В. Минаева отмечает: «В большой степени эффективность восприятия сообщения зависит от того, насколько текст насыщен полностью декодируемыми словосочетаниями (то есть стереотипными выражениями – вставка наша – В.С.)» [18, с. 29]. Таким образом, можно говорить о том, что восприятие и понимание текста находятся в прямо пропорциональной зависимости от предсказуемости элементов текста.

В художественных текстах предсказуемость или избыточность информации исключается, иначе теряется элемент художественности [4, с. 233]. В связи с тем, что информация в художественном тексте может быть выражена вербально и невербально, эксплицитно и имплицитно авторская интенция обнаруживается сложнее и поэтому кодирование текста автором и восприятие читателем не всегда совпадают. Ю.М. Лотман отмечает, что при восприятии текстовой информации и наличии у читателя альтернативных возможностей, связанных с попыткой распознать авторскую интенцию, информативность текста возрастает и увеличивается количество вариантов его интерпретаций [14, с. 281–282], а значит, происходит приращение информации.

К тексту обращаются с целью получить информацию о предмете речи, следовательно, ему присуще свойство хранить и передавать информацию различного вида. Поскольку лингвисты считают целесообразным различать виды информации в тексте, вернемся еще раз к этому, напомнив, что в коммуникативной лингвистике текстовую информацию классифицируют как денотативную (информация о реальных или воображаемых предметах, явлениях, фактах), когнитивную (о мыслительных процессах и операциях), интенциональную (об авторской интенции), модальную (об отношении автора к предмету речи, его оценках). З.Е. Тураева выделяет информацию, которая может составлять смысл текста: концептуальная, ситуативная и энциклопедическая. [24, с. 14]. Однако, единой и общепризнанной классификации пока не имеется, на что указывают ученые [1, с. 55; 3; 11; 23, с. 110]. С момента выхода в свет работы И.Р. Гальперина [6] наиболее привлекательной для практики анализа текстовой информативности остается классификация И.Р. Гальперина, который выделяет такие виды информации в тексте: содержательно-концептуальную (СКИ), содержательно-фактуальную (СФИ), содержательно-подтекстовую (СПИ) [6, с. 27]. Содержательно-фактуальную информацию составляют сведения о фактах, процессах, явлениях, происходящих в реальном или воображаемом мире. Эти сведения могут быть событийного характера: Что? Где? Когда произошло? Например, сюжет в художественном тексте; тексты описательного характера: обзор литературы с перечислением направлений, подходов, точек зрения;

характеристики явлений и др. СФИ всегда имеет вербальное выражение в тексте, передается с помощью единиц языка в их прямых значениях.

Примером текстов, содержащих только СФИ, могут служить газетные сообщения (хроника), построенные по схеме: что? где? когда? Например:

Кабинет Министров в целях уменьшения дефицита государственного бюджета установил новые ставки импортной пошлины на ряд товаров. В перечень товаров, на импорт которых утверждены постановлением правительства от 16 января новые пошлины, включены продукты питания и сельхозпродукция. [Из газеты]

Содержательно-концептуальная информация добывается в результате внимательного чтения и анализа текста, направленного на понимание авторского отношения к событиям и фактам, заключенным в СФИ. При этом особо важную роль играют читательские пресуппозиции, ситуация и контекст, поскольку СКИ – «это замысел автора плюс его содержательная интерпретация» [6, с. 28]. Извлечение СКИ и СПИ, которые, по мнению И.Р. Гальперина, «представляют собой скрытую информацию, извлекаемую из СФИ, благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри СФЕ приращивать смыслы» [6, с. 28], требует знаний, жизненного опыта, а они у каждого разные. Вот почему такая информация не может быть идентичной у разных реципиентов. Чем богаче человек знаниями, жизненным опытом, живым воображением, тем больше подтекстовой информации он сможет извлечь. «Степень информативности» текста зависит от глубины восприятия и понимания текстовой информации реципиентом.

И.В. Реброва, говоря о классификации видов информации, приходит к выводу о том, что при выявлении текстовой информации следует учитывать два условия: текст-прототип (напомним, что текст-прототип отражает прототипическую ситуацию) и информативную шкалу, которая позволяет отнести текст к той или иной ступени информативности и представить информацию текста с целью его интерпретации. В этом случае, как считает И.В. Реброва, и мы разделяем это мнение, нет необходимости в создании новой классификации и новых дефиниций. За основу можно принять классификацию И.Р. Гальперина [23, с. 110]. В самом деле, виды информации, выделенные И.Р. Гальпериным, легко соотносятся со степенями информативности текста, предложенными Бограндом и Дресслером: тексты высшей ступени информативности соотносятся с текстами, в которых преобладает СФИ; тексты второй и третьей ступени информативности соотносятся с извлечением СКИ и СПИ [26]. При этом характер СКИ и СПИ говорит о том, что их появление в значительной мере зависит от реципиента (его пресуппозиции, тезауруса и др.), от протоситуации и контекста.

Анализируя категорию информативности текста, мы постоянно акцентируем внимание на детерминированности ее адресантом-адресатом, прототипической ситуацией, сферой деятельности и т.д., то есть условиями дискурса. Значит, целесообразно говорить об информативности не как о текстовой категории, а как о текстово-дискурсивной категории.

Таким образом, информативность – это текстово-дискурсивная категория, представляющая собой свойство текста хранить и передавать информацию, которая выявляется на фоне целого завершённого текста с учетом взаимодействия модулей дискурса: адресант-текст-адресат-ситуация-контекст. Информативность может быть выражена эксплицитно или имплицитно, проявляясь в различных видах информации. Способ выражения информативности в тексте зависит от стиля, жанра и других условий дискурса.

Рассмотрим на конкретном примере, как проявляется категория информативности и каким образом происходит приращение информации в художественном тексте. В качестве текста для анализа возьмем текст-миниатюру В. Астафьева «Герань на снегу» из цикла «Затеси».

В. Астафьев – не просто талантливый сибирский (красноярский) писатель, но и человек, болеющий душой за все живое: за утрату человеком чего-то важного, ценного; за необоснованные перемены в нем (и часто к худшему), за одного человека и за целые поколения, за один уголок родного края и за отношение к природе в целом. Эта боль выливается в художественные произведения, иногда даже в грубоватой форме, как сама жизнь, что мы и наблюдаем в рассказе-миниатюре «Герань на снегу».

В основе рассказа – прототипическая ситуация, герань на снегу. Эту ситуацию отражает сюжет повествования: пьяный мужик-дебошир выбросил в окно чугунок с геранью. Герань присыпало снегом, цветок погиб, а корень остался живым. Весной, унесенная талой водой, она

прижилась в другом месте. Но пришла коза и съела герань. Корень остался – она снова отросла. Пришли строители и вывезли ее вместе с землей под обрыв. Снова пыталась жить, но глубоко завалили мусором. Герань погибла. А мужик по-прежнему пил и дебоширил.

Сюжет представляет собой фактуальную информацию, которую все воспринимают однозначно, потому что она вербально выражена и представляет множество предсказуемых элементов. Эта фактуальная информация ставит текст на верхнюю ступень информативности, согласно шкале Богранда и Дресслера. Каждый, даже неискушенный читатель, эту информацию извлекает.

Но текст – это не только сюжет. В нем множество внесюжетных элементов, выразительных языковых единиц, которые цепляют внимание и пробуждают мысль читателя, начиная, например, с заголовка «Герань на снегу». Герань – неприхотливый домашний цветок, создающий уют и украшающий дом – на снегу. Почему? Что это – реальность, образ, метафора? Согласно семантической классификации, такой заголовок-рема, выражающий одновременно и номинацию состояния, эмоций, и, как может оказаться, главную мысль текста в образном выражении – так рассуждает специалист, а неискушенный читатель цепляется сознанием и эмоциями за факт – герань на снегу. Он ждет ответа на вопрос, что же случилось? Почему? И в тексте он получает ответ через восприятие фактуальной информации.

При внимательном чтении открывается новая информация и на ее основе формируются другие смыслы. *В бараке бушевал пьяный мужик* – вводящее предложение зачина. Почему в бараке? Барак – это наскоро сколоченное общежитие без каких-либо удобств. В советское время бараки строились как первое жилье для рабочих на новом месте, обычно вдали от обжитых мест при строительстве заводов, электростанций, дорог, когда требовалось много рабочей силы и надо было быстро разместить людей. (Можно предположить, что появление слова *барак* предопределено именно такой ситуацией, поскольку в тексте будет упоминаться: *Тут началось строительство и пришел экскаватор.*)

В бараке обычно было холодно, тесно (одна комната на семью) и неудобно, поэтому людей старались переселить в построенные дома. В первую очередь квартиры получали передовики производства, образцовые на работе и в быту, а остальные могли жить в бараке довольно долго, ожидая своей очереди на квартиру.

Наш персонаж – далеко не образцовый: пьющий, дебоширящий мужик, которому ударить жену, детей ничего не стоит. И такое с ним бывает часто, потому что дети знали, что будет и *Ребятишки еще раньше разбежались*. В комнате все разбито и порушено.

В этой картине как-то без особого акцента, как будто говорится об обыденном, привычном явлении, остается смысл предложения *Он ударил жену, и она улетела в коридор*. Женщина, мать нескольких детей (у них *ребятишки*), влачащая существование с мужем-неудачником в бараке, пытающаяся при этом «утихомирить» мужа (*утихомирить* – значит найти слова и способы воздействия, чтобы вернуть в состояние покоя, успокоить; вернуть тихий мир в душу) получает такой удар, что улетает в коридор.

Пьяный мужик – он не только разрушает все, что как-то скрашивало существование в бараке (*уже все было разбито и порушено*), он не видит главное, самое ценное – того, кто пытается вернуть мир в душу. Утрата этого мира для русского мужика чаще всего оборачивается *запойми*. В состоянии запоя человек забывает обиду или несправедливость, неудовлетворенность кем-то или самим собой. Это способ слабодухих укрываться от трудностей, от совести. Вместо поиска выхода из создавшегося положения – залить глаза и ждать – авось само собой все решится. *Тоскливо мужику*. Тоскливо – от слова тоска – тяжелая грусть. Что делает его жизнь тоскливой, мы не можем узнать из текста, хотя автор намекает, что жизнь в бараке, в тяжелых бытовых условиях, душит его. Это устанавливается путем анализа: пожалел мужик выброшенную на снег гераньку, решил, что так лучше – *и баракom ее не душит*.

Но, несмотря на возможную причину тоски (допустим, она есть), мужик – слабое звено. Он – разрушительная сила. Лексико-тематическая сетка текста зачина и концовки включает глаголы и их формы с близкой семой «разрушение»: *бушевал, ударил, разбить, разбито, порушено*. Они соотносятся с действиями персонажа, что усиливает смысл: способный лишь к разрушению, которое не кончается (*...по-прежнему пил мужик и бушевал после каждой полочки и все время искал – чего бы разбить и выбросить*).

В зачине же заявлен прямо противоположный по характеру персонаж – жена. Она в невыносимых барачных условиях, с мужем-неудачником и пьяницей, с ребятишками, пытается

не только создать уют (*в дырявом чугушке росла геранька*), но и *утихомирить* мужа. Женщина в извечной заботе о том, чтобы прокормить семью (об этом говорит и символический смысл предложения *Дырявый чугунок хозяйка подняла и посадила в него помидор*.) И тут вспоминаются строки Некрасова «Доля ты русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать...». И проходят столетия, а женская доля не меняется: от некрасовской женщины, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», до друнинского светлосого солдата в бинтах кровавых, Зинки, которая «нас повела в атаку», от коржавинских женщин-дорожниц с отбойными молотками в руках – до наших современниц. И все еще у мужчин остается только желание, которое когда-то в 1945 году выразил Я. Смеляков: «Мы еще оденем вас шелками, Плечи вам согреем соболями, Мы о вас напишем сочиненья, Полные любви и удивленья».

При внимательном чтении и определенной пресуппозиции читателя уже из зачина извлекается иной объем информации, чем дают факты. Эта информация концентрированно может быть выражена в таких смыслах: женщина, внешне слабая, неказистая, но какая же внутренняя сила кроется в ней! и мужчина, физически сильный, способный в экстремальных ситуациях на героический поступок, но абсолютно беспомощный в быту, в преодолении обыденных трудностей и поэтому теряющий себя, свое предназначение, что часто бывает у русских мужиков: не видит выхода из трудной бытовой ситуации.

И тут увидел он гераньку ... Обратим внимание: не герань – нейтральное название цветка, которое не дает приращения смысла, а *геранька*, с суффиксом -к-, который употребляется в разговорных лексических номинациях и привносит экспрессивное значение уничижительности, пренебрежительности, употреблено автором не случайно. *Геранька в чугушке* (как лягушонка в коробчонке), как что-то незначительное, ничего не стоящее и не заслуживающее большего, чем пренебрежительное отношение. Да и как же иначе – это не пышная, ухоженная красавица роза, а в дырявом чугушке, неухоженная, недокормленная, перемороженная и засушенная геранька, отчего нижние листочки ее *скоро чернели, свертывались и опадали*. Недолгое существование да и некрасивое: *Один цветок и был у нее только да с пяток листьев, которые ночью примерзали к окну, а как печку затопляли, они оттаивали*. И какую же силу надо иметь, чтобы в таких условиях оттаивать (оттаивать – 1. Освободиться ото льда 2. Отойти душой, потеплеть) и продолжать жить, скрашивая существование другим. Лексико-семантическая сетка микротекста, который можно назвать «Геранька», включает глаголы, которые группируются по сходным смыслам *смерть – жизнь* в два противоположных класса (*забывали, примерзали, чернели, свертывались и опадали, – оттаивали, набралась сил, отросла, расцвела*), как бы усиливая смысл: несмотря на, казалось бы, несовместимые с нормальной жизнью условия, этот тщедушный цветок обладает удивительной силой выживания.

Мужик бухнул чугушком в стекло. Упала геранька под окно. Земля из чугушка вывалилась в снег. Мужик после этого успокоился и заснул. Обратим внимание на синтаксис повествования, он напоминает характерный для фольклорных (сказочных) повествований: та же ритмомелодика прозы в немногословных, параллельно построенных предложениях, которые передают быструю смену событий (что тоже важно в жанре миниатюры). Видимо, не случайно он напоминает сказочное повествование: геранька постепенно приобретает роль образа, приближенного к образу-персонажу, действующему лицу, что типично для сказки. Таким способом она входит в сознание реципиента уже в другом качестве – в качестве образа-символа.

Всю ночь светила геранька под окном, еще живая... Каплей крови показалась она мужику. Красным цветом под окном в снегу геранька до утра еще *светилась*, то есть излучала свет. Умирая, она отдавала то, что могла еще дать – свет. Всколыхнула что-то в душе мужика эта «капля крови», но вот какова его реакция: *мужик подумал, что лучше, покойней под снегом гераньке, и теплее, и бараклом ее не душит*. А почему такая реакция? Может, потому, что ничего не надо предпринимать? Так само собой вышло – значит и к лучшему. А о том, что она *так тихонько и погасла*, и что в этом его вина, лучше не думать. Так-то оно покойней. Известная русская мужицкая жизненная философия: все испортил, виноват – притихни, выжди, пока пронесет, а потом найди себе оправдание (так ей лучше, покойней). Вот он – основной смысл, который выплывает из простого факта – разбил, выбросил цветок на снег, уничтожил цветок.

Но этот смысл извлек один реципиент, а другой, возможно, факт интерпретирует иначе, опираясь на те значения языковых единиц, с помощью которых передан факт, а также на опыт

своего языкового существования. Таким образом, реципиенту становится доступна информативность 2–3 ступени: содержательно-подтекстовая и содержательно-концептуальная информация.

А геранька! Изменились обстоятельства – пришла весна и потоком талой воды унесло ее еще живые корни в овраг. И хватило сил уцепиться за землю и снова жить: снова расти начала. Но опять беда... – и снова отросла, опять беда и... *Попробовала расти на новом месте, да на нее все валили и валили сверху землю, и она расти больше не смогла, унялась, и корень ее лишился сил под тяжестью и начал гнить внутри земли, вместе со щепьем, хламом и закопанной травой.* Так в невероятном стремлении к жизни и борьбе за нее заканчивается история гераньки. И становится понятно, почему в заглавии не «геранька», в которую вложен пренебрежительный оттенок отношения, а «герань», к которой никак не подходит добавочный смысл, вложенный с помощью суффикса -к-. Автор назвал свое произведение «Герань на снегу» и этим передал свое отношение к предмету речи, который ассоциируется с судьбой русской женщины.

Фольклорное повествование сменяется в рамочном оформлении рассказа-миниатюры. *Дырявый чугунок хозяйка подняла и посадила в него помидор.* Вместо слабой, но неприхотливой, неухоженной, но терпеливой, гераньки растет помидор, который как бы символизирует: надо жить дальше, надо прокормить их... И мужик не выбрасывал за окно чугунок с помидором (а гераньку можно было выбросить!), *хотя по-прежнему пил мужик и бушевал после каждой полочки и все время искал — чего бы разбить и выбросить.* Тут уже другой смысл, который можно выразить вопросом: у герани, которая могла бы быть пышной и красивой в благоприятных условиях, но которая преждевременно увядает, теряет свою красоту, но не теряет силу духа, изменится ли когда-нибудь что-нибудь рядом с человеком с такой мужицкой философией жизни? Или так и останется на снегу? – это концептуальная информация, которая вытекает из сопоставления фактуальной информации, пресуппозиции реципиента, контекста и опыта языкового существования.

Итак, мы убедились, что фактуальная информация словесно выражена, доступна всем в одинаковой мере, а возможность понимания/непонимания ее каждым реципиентом соотносит текст с первой или 2–3-й ступенью информативности.

Информация расширяется путем извлечения ее из исторического контекста: был такой период в истории страны, когда люди ехали на освоение новых пространств, на строительство, испытывая при этом бытовые неудобства, иногда добиваясь карьерного роста, иногда теряя себя; прибавляется информация путем анализа языковых единиц (герань – геранька; лексикотематической сетки глаголов, синтаксических особенностей повествования) и установления авторского отношения к предмету речи.

К извлечению и интерпретации этой информации прибавляется опыт реципиента и возникают, группируются, концентрируются смыслы, которые составляют актуальное виртуальное семантическое пространство текста. (Актуальное семантическое пространство потому, что оно отражено сознанием одного конкретного реципиента в результате восприятия виртуального пространства текста, созданного автором). В данном тексте основные смыслы представлены смысловыми центрами *женщина* (геранька-герань) – *мужчина* (мужик); *сила слабого* – *бессилие сильного*.

Интерпретация читателем проблемы доли простой русской женщины и мужицкой жизненной философии, возможно, и есть то, ради чего автор создавал свое произведение и в чем кроется ответ на вопрос, который задает себе пытливый читатель в самом начале, воспринимая заглавие: почему герань на снегу?

Проанализировав информативность текста художественной миниатюры, кратко опишем рекомендуемую нами методику обучения иностранных филологов пониманию сущности текстово-дискурсивной категории и извлечению (декодированию) максимума информации, то есть анализу категории информативности на основе данного текста.

В процессе лабораторного эксперимента были выявлены существенные особенности аналитической работы, которые представим в виде таких положений: а) теоретические сведения о категории информативности предлагаются магистрантам в виде научного текста, объемом не более 2-х страниц (работа по осмыслению его содержания ведется традиционно, поэтому мы не будем ее представлять в статье); б) художественные тексты для анализа целесообразно отбирать небольшие по объему, но обладающие всеми категориальными признаками и соответствующие нашему стереотипному представлению о тексте; в) любая

категория текста не может анализироваться изолированно от других (это делается только в учебных целях), поэтому привлекаются знания о других свойствах текста, ранее обретенные и способствующие осмыслению категории информативности; г) каждый текст обеспечивается словарем, которым пользуются студенты, если предлагается ознакомиться с текстом предварительно; д) перед анализом художественного текста на занятии отрабатываются актуальные речевые обороты, используемые в профессиональном анализе текста; е) последовательность работы с текстом не может быть однозначно определена, так как она зависит и от сложности текста, и от реципиентов, и от конкретной учебной задачи.

Приведем пример комплекса заданий для формирования умений анализировать текстово-дискурсивную категорию информативности на материале рассказа-миниатюры В. Астафьева «Пила». (Текст не приводится из-за ограничений статьи в объеме.)

Словарь к тексту

Летчик-вертолетчик – пилот вертолета. *Летчик-вертолетчик рассказывал.*

Пила – 1. Инструмент в виде стальной пластины или диска с заострёнными зубцами по краям для разрезания дерева, металла, камня. *Электрическая пила. Ручная пила.* 2. Разг. О сварливом человеке, донимающем кого-л. попрёками, придирками, колкими замечаниями. *Зудит, как пила.*

Представительный – 1. Состоящий из чьих-либо представителей, выборный. *Представительные органы власти.* 2. Представляющий мнение, отражающий интересы всех лиц, групп, связанных с данным делом; авторитетный. *Представительное жюри.* 3. Производящий выгодное впечатление своим внешним видом; солидный, видный. *Иметь представительную внешность.*

Зона – (жарг.) Место заключения осуждённых; лагерь. *Отбыть срок в зоне.*

Дурнина – высокая трава, несъедобная и ядовитая.

Смородинник – много кустов смородины, заросли. *Смородинник вокруг барачков.*

Укрытие – место или сооружение, которое укрывает, защищает от кого-либо, чего-либо. *Находиться в укрытии. Искать укрытия от непогоды. Уйти в укрытие.*

Лесина – (диал.) бревна, спиленные в лесу деревья. *Недопиленная лесина.*

Заржаветь – о железе: покрыться ржавчиной. *Пила заржавела.*

Отполированный – уплотненный и доведенный до блеска. Здесь: доведенный до блеска от длительного прикосновения рук. *Отполированные ручки.*

Мертвый поселок – поселок, в котором никто не живет, покинутый людьми.

Мертвая дорога – цепь мертвых поселков.

Завизжать – начать издавать визг, тонкий звук; *заскрипеть* – начать скрипеть (от старости); *зашиуршать* – начать издавать шорох; *заструиться* – начать течь струей.

Умение использовать актуальные обороты речи в научном анализе:

Упр. 1. Слушайте и повторяйте. Последнее предложение каждой группы запишите по памяти.

1. Из текста можно извлекать информацию. 2. Из текста можно извлекать информацию разного вида: фактуальную, концептуальную, подтекстовую. 3. *Из текста можно извлекать информацию разного вида: фактуальную, концептуальную, подтекстовую, благодаря интерпретации читателя.*

1. Определим вид заглавия. 2. Определим вид заглавия и его роль в прогнозировании. 3. *Определим вид заглавия и его роль в прогнозировании тематико-смыслового содержания текста.*

1. Вербально представлена. 2. Вербально представлена фактуальная информация. 3. Вербально представлена фактуальная информация, которая соответствует прототипической ситуации. 4. *Вербально представлена фактуальная информация, которая соответствует прототипической ситуации – облет «мертвой дороги» и увиденное там.*

1. Имплицитно выраженная информация. 2. Имплицитно выраженная информация в художественном тексте. 3. *Имплицитно выраженная информация в художественном тексте – это концептуальная и подтекстовая информация.*

1. Приращение информации. 2. Приращение информации за счет анализа контекста, ситуации, модальности текста. 3. *Приращение информации в художественном тексте возможно за счет анализа контекста, ситуации, модальности текста.*

Умение выделять фактуальную информацию:

Упр. 2. Перескажите фактуальную информацию и прокомментируйте непонятные места (лакуны), пользуясь словарем к тексту.

Умение анализировать структуру текста, контекст и увязывать их с формирующимися смыслами:

Упр. 3. Определите вид заглавия и его роль в предположении тематико-смыслового содержания текста.

Упр. 4. Определите, от какого лица ведется повествование. Как вы думаете, зачем автор прибегает к такой организации повествования?

Упр. 5. Найдите зачин текста, определите его вид и функции. Что вы можете сказать о контексте, в котором ведется повествование: что такое «мертвая дорога», почему прилетела «представительная комиссия»? Есть ли связь зачина и концовки?

Умение анализировать “говорящие” детали текста:

Упр. 6. Выделите основную часть рассказа. Какие микротемы вошли в него? О чем могут говорить паровозы, *привезенные по воде и выгруженные на берег, которые заросли дурниной и почему-то больше всего смородинником*. Как вы думаете, зачем они привезены и почему оставлены? Почему заросли больше всего смородинником?

Какова роль образа седой женщины, оставшейся навсегда в зоне? Обоснуйте свое предположение текстовыми элементами. (Предположите по деталям текста: вертолетчик рассказывал *про кладбища, затащенные болотом*; какую информацию несет песенка женщины: *В саду ягода-малина под укрытием росла*? Сравните претекст: *Калинка, калинка, калинка моя, В саду ягода-малинка, малинка моя...*).

Осмыслите строки о судьбе женщины: *...утонула ль в Енисее, потерялась ли в лесу...* Какую вербально не выраженную информацию вы извлекли из этих строк?

Умение выделять концепты в тексте; умение анализировать отношение автора к предмету речи (модальность текста):

Упр. 7. Перечитайте рассказ летчика. Какие слова вам кажутся концептуально важными, помогающими извлечь концептуальную информацию? Какие ассоциации у вас возникают при чтении фразы *...допилили до середины и оставили*.

Упр. 8. Какова позиция автора по отношению к предмету речи? Для этого проанализируйте: а) отобранные им элементы содержания и сделайте вывод о том, как они раскрывают отношение автора к предмету речи; б) проанализируйте глагольный ряд последнего предложения. Какие ассоциации вызывает у вас противопоставление: *пила заржавела, ...сгнили, ...проросли*, но пила в половине дерева *висит, ...ждет, ...надеется, слышит — торопят...* Какого вида глаголы в первой части предложения и во второй? Почему? Что обозначает глагольная приставка *за-* (*запел – начал петь, заработал – начал работать, затанцевал – начал танцевать*)? Почему автор употребляет целый ряд глаголов с этой приставкой: *... завизжит, заскрипит ржавая пила, зашуршит дерево, заструятся опилки*? Какую информацию об отношении автора к предмету речи вы извлекли благодаря этим словам?

Упр. 9. Сравните свое толкование название в начале анализа и в конце: изменилось ли определение вида заглавия? Какой смысл прибавился? Сгруппируйте смыслы вокруг одного и сформулируйте, как вы поняли замысел текста, то есть его концептуальную и подтекстовую информацию. (Подсказка: чего опасается автор?)

Упр. 10. Сделайте обобщение: какие виды информации вы извлекли из текста и благодаря чему? Какова степень информативности текста? Одинаковый ли объем информации извлекли все? Почему?

Выводы. Текстово-дискурсивная категория информативности – существенный признак текста, осознание которого ведет к формированию у будущих филологов внимательного отношения к слову в тексте, к соотношению элементов содержания, к осознанию внутритекстовых и межтекстовых связей, к роли экстралингвистических условий порождения текста и в результате – к пониманию роли обозначенных факторов в приращении информации. Таким способом вырабатывается специальное, филологическое отношение к тексту как безграничному семантическому пространству, из которого можно исчерпывать разный объем информации.

Исследование текстово-дискурсивных категорий в перспективе, на наш взгляд, должно быть направлено на выработку специальных принципов их анализа в учебных целях и совершенствование системы аналитической работы с текстом для иностранных магистрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2006. 496 с.
2. Бабайлова А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: Учеб. пос. Саратов, 1987. 246 с.
3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
4. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
5. Виды лингвистического анализа в образцах и комментариях: Учебное пособие / под ред А.А. Силки. Сумы: Университетская книга, 2009. 255 с.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
7. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Издательство «Наука», Академия наук СССР, 1984. 214 с.
8. Залевская А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
9. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 437 с.
10. Кибрик А.Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой действительности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика, А.С. Нариньяни. М., 1987. С. 33–52.
11. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: Учеб. пос. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.
12. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Издательский центр «Академия», 2005, 352 с.
13. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 505–518.
14. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Ю.М. Лотман. Об искусстве. СПб: Искусство-СПб., 1998. С. 14–288.
15. Лузина Л.Г. Стилистические теории и коммуникация // Семиотика. Коммуникация. Стил. М.:ИНИОН, 1983. С. 163.
16. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДКГ «Гнозис», 2003. 252 с.
17. Матвеева Т.В. Учебный словарь. Русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003. 431 с.
18. Минаева Л.В. Слово в языке и речи. М.: Высшая школа, 1986. 147 с.
19. Перчаткина Н.Н. Функции стандартизованных единиц в семантической организации текста // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте: Межвуз. сборник науч. трудов / Под ред. М.Н. Кожинной. Пермь: Пермский государственный университет, 1990. С. 65–73.
20. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. Киев: Вища школа, 1986. 115 с.
21. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. К.: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. 336 с.
22. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 138 с.
23. Текст: теоретические основания и принципы анализа: Учеб.-науч. пос. / под ред. проф. К.А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.
24. Тураева З.Я. Лингвистика текста: Учеб. пособие для студентов. М.: Просвещение, 1986. 138 с.
25. Agricola T. Textstruktur. Textanalyse. Informationskern. Leipzig, 1979.
26. Beaugrande R.A. de, Dressler W.U. Einfuhrung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.
27. Mackeldey R. Alltagssprachliche Dialoge. Kommunikative Funktionen und syntaktische Strukturen Leipzig, 1987.

(Статья поступила в редакцию 3 апреля 2019 г.)